

Но маленький Яньсы явно не боялся подобных угроз. Линь Яньхун даже мог предположить, что если бы они действительно так поступили, малыш просто бы плакал и голодал.

Однако радовало то, что он все меньше боялся Линь Яньхуна.

Даже если тетушка Чунь и Хупо не были рядом, и в комнате оставались только он и Линь Яньхун, малыш больше не нервничал, а лишь украдкой поглядывал на своего старшего брата большими, как черный виноград, глазами.

Линь Яньхун, замечая этот «взгляд», не придавал этому значения.

Ведь в храме Хуайинь он каждый день сталкивался с тем, как волчонок тайно за ним наблюдал, и уже привык к такому любопытству маленького зверька.

Иногда он не мог удержаться и гладил малыша по щечке, сжимал его маленькую ручку. Хотя это чувство было совсем не похоже на ощущение чего-то пушистого, оно приносило ему давно забытую радость.

Иногда Линь Яньхун думал, что когда маленький Яньсы подрастет и начнет учиться читать, он сможет, как в горах Ушань учил Ли Цзинчэна, лично учить его и рассказывать истории.

Но внутри него звучал голос:

«Разные, они разные...»

Некоторые родители любят младшего ребенка больше, а другие — своего первенца.

Причина проста: когда они впервые становятся родителями, даже если условия плохие и опыта нет, это чувство — быть родителем впервые — невозможно заменить, и вложенные в него силы тоже уникальны.

Хотя Ли Цзинчэн не был его родственником, он дал Линь Яньхуну чувство, которое он никогда раньше не испытывал...

Даже если маленький Яньсы так же мил и послушен, и также может удовлетворить гордость Линь Яньхуна как старшего брата, в его сердце всегда будет место для особого человека.

Так, наблюдая, как маленький Яньсы вливается в жизнь Восточного двора резиденции Линь, и через древний нефрит «наблюдая» за жизнью волчонка в княжеской резиденции, время летело очень быстро.

Линь Цюндэ иногда просил Линь Тунши принести что-нибудь в Восточный двор и спрашивал у Линь Яньхуна, пришедшего с визитом, о состоянии маленького Яньсы, но больше никаких действий не предпринимал.

Однако он всегда был строгим старшим, поэтому это нельзя было назвать холодностью.

Поскольку Линь Яньсы все же был младшим господином клана Линь, Линь Тунши быстро выделила ему двух служанок, но с тетушкой Чунь, заботящейся о ребенке, их роль была невелика — они просто следовали за Линь Яньсы, наблюдая за ним.

Затем, когда погода стала прохладнее, наступило время осенних экзаменов, к которым резиденция Линь относилась с огромным вниманием.

С наступлением осени Линь Яньхун заметил, что его дед Линь Цюндэ стал еще строже.

На самом деле, вскоре после возвращения с ритуала предков в день Юань, Линь Яньхун и Линь Яньсин были вызваны в зал Хэань.

Там им было приказано каждый день заниматься с учителем по три часа, а через день после ужина приходиться в зал Хэань, где Линь Цюндэ лично проверял их знания.

Для Линь Яньхуна это не было чем-то особенным, ведь он всегда мог сосредоточиться.

Хотя в «прошлой жизни» он не смог учиться в окружном училище или Академии Цинтун, будучи настолько слабым, что даже не мог посещать родовую школу, и его отец нанимал учителя для домашнего обучения, он все же читал книги более десяти лет и был более чем готов к экзамену туншэн в следующем году, так что не боялся ни учителя, ни деда.

Три часа занятий в день звучали пугающе, но если проверка у старика проходила успешно, учитель не сидел с ними все это время.

Чаще всего учитель преподавал какое-то время, а остальное время они сами переписывали и заучивали тексты.

Линь Яньхун и сам читал книги примерно столько же времени, поэтому не чувствовал дискомфорта.

Но эти три часа занятий в день и проверка через день чуть не свели Линь Яньсина в могилу.

Раньше, после того как он очнулся после падения в воду и потерял дар речи, Линь Цюндэ и Линь Тунши освободили его от утренних визитов, и Линь Яньсин спал в Южном дворе до полудня, после обеда мог вздремнуть, наслаждаясь жизнью еды, сна и игр.

Даже после инцидента на поэтическом собрании любования лотосами, когда его посадили под домашний арест, он продолжал жить в Южном дворе так, как хотел.

Но спокойная жизнь длилась недолго, и дед вдруг начал заставлять его усердно учиться.

К тому же госпожа Чжэнь, хотя и жалела сына за его тяжелую учебу, не поддерживала его «лень и хитрости» и даже велела слуге Линь Яньсина внимательно следить за вторым господином, чтобы он не тратил время впустую.

Таким образом, эти полгода адской жизни чуть не поглотили Линь Яньсина, едва не лишив его дыхания.

Еще страшнее было то, что Линь Цюндэ словно вдруг возненавидел его. Раньше он только ругал и унижал Линь Яньсина, но теперь перешел к телесным наказаниям, проявляя крайнюю жестокость.

Линь Яньсин получал удары по ладоням через день, его руки опухали так, что он не мог держать кисть или палочки для еды, и даже не мог есть самостоятельно.

Госпожа Чжэнь страдала от этого, но стиснула зубы и не просила пощады, потому что прекрасно понимала, что хочет дед.

Если Линь Яньсин не сможет с триумфом выступить на экзамене туншэн в следующем году, то не только не снимет с себя обвинения в найме писарей, но и подведет всех учеников клана

Линь.

Тогда, даже если бы госпожа Чжэнь была родной племянницей Линь Тунши, она не смогла бы спасти Линь Яньсина.

Чтобы избежать полного поражения, сейчас можно было только терпеть и бороться.

Как госпожа Чжэнь объясняла страдающему и стонущему Линь Яньсину, это было дело Южного двора, и Линь Яньхун не знал подробностей.

Он только знал, что в своих воспоминаниях, в «прошлой жизни», такого не было.

Тогда он был прикован к постели и не мог выйти из комнаты, не говоря уже о поездке в далекие горы Ушань.

Не встретив удельного князя Чжэ в горах Ушань, тот не заинтересовался бы им и кланом Линь из-за наследника князя Юй, и не было бы никакого поэтического собрания любования лотосами.

Без тех впечатляющих строк на поэтическом собрании, двенадцатилетний Линь Яньсин не получил бы обвинений в найме писарей, и это не повлияло бы на репутацию учеников клана Линь.

Тогда зал Хэань и Южный двор были бы местом, где дед и бабушка любили своих внуков, а не местом вражды, как сейчас.

Как будто одно движение потянуло за собой все остальное — из-за возвращения Линь Яньхуна многие вещи начали развиваться в неизвестном направлении.

Это вызывало у Линь Яньхуна как тревогу, так и странную надежду, смесь печали и радости, но в целом он был рад.

«Ведь хуже, чем в "прошлой жизни", уже не будет...»

Именно эта мысль позволяла Линь Яньхуну с удовольствием и легкостью наблюдать, как Линь Яньсин получал удары по ладоням от деда Линь Цюндэ.

Он также предчувствовал, что усилия деда Линь Цюндэ через полгода могут не принести желаемого результата.

Потому что Линь Яньхун знал, что Линь Яньсин, хотя и обладал «дьявольским талантом» в поэзии, был бессилен перед классическими текстами, рассуждениями и эссе.

Фактически, из-за слабости Линь Яньхуна, который не мог учиться, Линь Яньсин, как незаконнорожденный сын, получил возможность поступить в Академию Цинтун, где под руководством знаменитых учителей смог достичь определенных успехов, чтобы не позорить свое имя.

Судя по тому, что видел Линь Яньхун, нынешний Линь Яньсин был неспособен справиться с такой нагрузкой, и достичь ожиданий Линь Цюндэ через полгода было крайне сложно.

Линь Яньхун не хотел, чтобы его репутация тоже пострадала, и не собирался возлагать надежды на восстановление имени на Линь Яньсина.

Он отказался от мысли скрывать свои способности и решил бороться за себя — через полгода, даже если он не станет аньшоу, он обязательно должен войти в число лучших.

С такой мыслью Линь Яньхун стал еще усерднее.

На фоне упрямого Линь Яньсина учитель, естественно, был очень доволен Линь Яньхуном и хвалил старшего сына резиденции Линь перед Линь Цюндэ, словно получил взятку от Восточного двора.

На самом деле, Линь Яньхун понимал действия учителя.

Всего два ученика, и оба учатся у него. Один глуп и неспособен, а другой выделяется среди всех. Вероятно, это не связано с его преподаванием, а зависит от «таланта» учеников.

У автора есть что сказать: Хотя я не могу спойлерить, но могу тихонько сказать моим милым читателям, что день воссоединения не за горами.

Спасибо милым Чжу Ю, Си Е, Шуан и Жань Жань за подаренные «гранаты»! (*J 3 L)

<http://bllate.org/book/17693/1651357>